

ТАЗЕТА ШЕБУЕВА

№ 22 СОДЕРЖАНИЕ:

УЗНИКУ.—НОЧЬ. ЕВГЕНІЯ ТУДЕРА.—ДВА ДѢЛА.—О СПОСОБНОМЪ И СПОСОБНЫХЪ Н. ШЕБУЕВА.—ВТОРАЯ АНКЕТА. Н. ГЕОРГІЕВИЧА.—О ТОШИХЪ И ТУЧНЫХЪ Н. ГЕОРГІЕВИЧА.—О ЧАСТЯХЪ.—О ДѢЛОВЫХЪ ПОСРЕДНИКАХЪ.—НОВИНКИ РУССКИХЪ СИМФОНИЧЕСКИХЪ КОНЦЕРТОВЪ. В. СЕНИЛОВА.—ЧЕЛОВѢЧЕСКІЕ ДОКУМЕНТЫ.—ПЕРЕПИСКА М. А. ЛЮБАРСКОЙ-ПИСЬМЕННОЙ И ГРАФА ВИТТЕ.—ПЛОСКОСТЬ. Н. ШЕБУЕВА.—МОЙ САДЪ. Н. ШЕБУЕВА.—НОВОСТЬ! НОВОСТЬ! Н. ГЕОРГІЕВИЧА.—ЭСКИЗЪ В. ЛЕНСКАГО.—ЛОТЕРЕЯ. Н. ШЕБУЕВА.—АНКЕТА. ПИСЬМО МЕРТВАГО.—КВАРТИРОЛОГІЯ. УКЛАДКА ИППОХОНДРИЧЕСКАЯ.—СЕРЕНАДА И. КРЫЖАНОВСКАГО.—ГОЛОВКА. И. БРОДСКАГО.

УЗНИКУ.

За минутой минуты бѣгутъ чередой.

И тоскливо и мрачно вкругъ. Отовсюду надвинулся сумракъ сѣдой.—

Не печалься, мой другъ. Вѣрь, что солнце за тучей, что свѣтъ не погасъ, Что блеснетъ еще огненный лучъ. Покидая тюрьму въ этотъ сумрачный часъ,

Будь душою могучъ. Тамъ, за этой стѣною ликуютъ враги. Здѣсь же—царство рабовъ и калѣкъ...

Другъ мой, двери открыты: Бѣги же, бѣги...

Ты еще человекъ.
ЕВГЕНІЯ ТУДЕРЪ.

НОЧЬ.

Кровь... Повсюду кровавыя пятна:

На лицѣ, на рукахъ и на платьѣ; И въ крови бѣлый мраморъ распятъ...

Ночь прекрасна, тиха, ароматна...

Ночь не знаетъ людского раздора, И не видитъ, не слышитъ насилья...

Бѣлоснѣжная чашечка лилій Спать въ прудѣ и проснутся не скоро.

Кровь кругомъ—на шинели солдата

И на рясѣ попа-лицемѣра... Въ правду жизни поругана вѣра,—

Все забыто, что чтилось такъ свято.

Тамъ куски омертвѣвшаго мяса, Незастывшая кровь на заборахъ...

Гады въ смрадныхъ проснулись норахъ,

Чужь близость желаннаго часа.

Вотъ гигантскія крылья вампира Встрепенулись во мглѣ тихой ночи.

И горятъ ненасытныя очи Въ созерцаньи безумнаго пира.

Все смѣшалось въ безформенной грудѣ, Пѣсня смерти еще не допѣта И звучитъ. Далеко до разсвѣта...

И страдаютъ и мучатся люди. Нѣтъ конца этой ночи кровавой,

Нѣтъ конца неразгаданной мукѣ. И какіе-то дикіе звуки

Жгутъ смятенное сердце отравой.

Кровь... Повсюду кровавыя пятна:

На лицѣ, на рукахъ и на платьѣ... Ночь сомкнула надъ міромъ объятъя,—

Ласка ночи нѣжна, необъята... На...

ЕВГЕНІЯ ТУДЕРЪ.

ДВА ДѢЛА.

— Два таинственныхъ, но грязныхъ дѣла взволновали Петербургъ.

Во первыхъ, исторія съ П. А. Потѣхинымъ, будто бы изнасиловавшимъ г-жу Шакулову.

Въ ней послѣднее слово сказано потерпѣвшей.

— «Объясненія П. А. въ томъ, что ему 69 лѣтъ и онъ не можетъ быть виновникомъ, опровергаются выданнымъ мнѣ докторомъ свидѣтельствомъ въ томъ, что актъ насилія произведенъ не естественнымъ способомъ, а психопатиче-

скимъ. Упоминаю, что въ то время я была въ безчувственномъ состояннн отъ скушанныхъ мною большого количества «конфектъ». Въ довершеніе скажу, что предварительно, прежде чѣмъ возбуждать судебное преслѣдованіе, понятно, хотѣла покончить дѣло миромъ, чтобы не порочить и трепать свое имя, но теперь, когда общество узнало, а П. А. выставилъ меня шантажисткой, обращаюсь къ нему съ требованіемъ согласиться опубликовать и вынести на общественный судъ черезъ вашу уважаемую газету весь матеріаль по моему дѣлу. Пусть само об-

шество осудить меня в шантаж или вынести свой безпристрастный приговор».

Пока общество только недоумевает, не зная, где, на чей стороне, грязная правда.

А где—грязная ложь.

Но несомненно само общество поможет суду разобраться в этом таинственном дѣлѣ.

А что оно может в нем разобраться, это для меня ясно:

Вчера у меня был господин, который переахнул о происшествии, имѣвшем мѣсто 7 лѣтъ тому назадъ въ домѣ П. А. Потѣхина.

Я совѣту этому свидѣтелю, а равно и другому лицу, которому онъ тогда объ этомъ происшествии рассказывалъ, явиться къ слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ Бѣлецову, ведущему дѣло Шакуловой.

Сообщенные мнѣ факты настолько важны, что слѣдователю необходимо ихъ знать.

Другое темное дѣло свершилось на станции Ушаки.

Тамъ мѣстный священникъ систематически растлѣвалъ крестьянскихъ дѣвочекъ. Въ настоящее время «отцомъ» Павломъ Роменскимъ, законоучителемъ мѣстной школы, опозорены уже три дѣвочки 9—13 лѣтъ.

Старшая изъ пострадавшихъ, дочь сигнальщика Логина, 13 лѣтъ.

Другая—дочь semaфориста.

Крестьяне, проводя на преступлении, хотѣли растерзать «отца», но полиция увезла его въ Любань.

Лишь, причастныхъ къ Потѣхинской и Роменской исторіямъ, прошу пожаловать въ редакцію, в любой день отъ 11 до 12 часовъ дня.

О СПОСОБНОМЪ И СПОСОБНЫХЪ.

Я получилъ большую книгу въ 200 страницъ страницъ подъ заглавіемъ «Клевета. Мой процессъ съ барономъ Н. О. Тизенгаузенемъ. М. Любарская — Письменная».

И слѣдующее письмо.

«Милостивый Государь,

Мой процессъ съ барономъ Н. О. Тизенгаузенемъ, оклеветавшимъ меня и покойного моего мужа и на судѣ и въ печати, имѣетъ не столько личный, сколько общественный интересъ.

Процессъ этотъ, какъ изволите усмотрѣть изъ приложеній, воочию раскрылъ одну изъ являющихся общественной жизни: безнаказанность злоупотребленийъ, такъ называемыхъ правительственныхъ Ликвидационныхъ Комиссій, злоупотребленийъ, отъ которыхъ ничѣмъ не гарантированы и кредиторы и потерпѣвшие.

Сколько ни пишете, какъ дѣлали мы — я и мой покойный мужъ — обращаясь послѣдовательно в течение пяти лѣтъ къ тремъ министрамъ Финансовъ: графу Витте, Плеву, Коковцеву и къ двумъ Государственнымъ Контролерамъ: П. Л. Лобко и П. Х. Шанебаху, сколько ни обвиняете ликвидаторовъ въ явныхъ преступленияхъ, сколько ни настаиваете на повѣркѣ колоссальныхъ хищенийъ этихъ комиссій — всѣ Ваши жалобы въ минис-

терствѣ Финансовъ остаются гласомъ вопиющего въ пустыню и невольно зарождается мысль: «своей своему поневоле брать».

А тѣмъ временемъ гг. ликвидаторы даютъ широкій просторъ своимъ разнуданнымъ страстямъ, ибо, къ сожалѣнію, страсть къ легкой наживѣ за чужой счетъ, къ легкимъ занятіямъ, вмѣстѣ съ легкостью отношеній ко всякому нравственному обязательству, получили у насъ въ силу особыхъ историческихъ наслоений — право гражданства; такъ сказать вѣлѣны въ нашу плоть и кровь.

Наша общественная жизнь представляетъ нескончаемый рядъ явлений до того несуразныхъ и грозныхъ въ своемъ ничтожествѣ и такъ эпидемически распространенныхъ въ массѣ, захватившихъ всѣ классы и возрасты населенія, что имъ не находишь никакого разумнаго объясненія. Идетъ просто сплошное господство нечестности, руководимой самыми темными, безудержными страстями. И общество какъ бы скилось съ подобнаго рода явленіями, даже не протестуя противъ нихъ.

«Ну что же дѣлаетъ такое баронъ Тизенгаузенъ и К-О? — приходило зачастую слышать мнѣ. — А развѣ другіе на ихъ мѣстѣ не дѣлали бы то самое, а, пожалуй, и хуже. — Вѣдь это правительственная корمهжка, на подобіе прогнотовъ высокопоставленнымъ чиновникамъ при объѣздѣ губерній, областей. Напрасно, Марія Андреевна, воюете вы съ ликвидаторами. Кромѣ неприятностей, ничего хорошаго не выйдеть. Бросьте это дѣло. Лучше заключите мировую, какъ другіе — будетъ и проше, и скорѣе.»

Между тѣмъ, при разборѣ моего дѣла съ барономъ Тизенгаузенемъ, не смотря на то, что я стѣснена была судомъ въ защитѣ, неопровержимо установлена злонравность и убыточность дѣйствій Ликвидационной Комиссій по ликвидации имущества, принадлежавшаго Екатеринбургскому Коммерческому Банку. И судъ и Палата не допустили ни допроса моихъ свидѣтелей, ни осмотра и повѣрки документовъ и дѣлопроизводства Комиссій, на чемъ я настаивала и въ Судѣ и въ апелляціонномъ отзвѣдѣ, и тѣмъ не менѣе, выяснились злоупотребленія Комиссій по продажѣ цѣннаго имѣнія «Успенскъ» — ввозия всѣхъ злоупотребленій ликвидаторовъ, проданнаго «кепейно», «по вольной цѣнѣ» нѣкому Попову.

Судебное вѣдомство и на этотъ разъ оказалось бесильнымъ вскрыть правду въ моемъ дѣлѣ. Пусть же общество, по прочтеніи моей книги, произнесетъ свой приговоръ: правъ ли баронъ Тизенгаузенъ, или онъ клеветникъ, расхититель чужого достоянія. Правъ ли онъ, утверждая, что я «авантюристка, преслѣдуемая безнравственными цѣльми, или же права я въ своихъ телеграммахъ и письмахъ даже къ Государю Императору, — что мы жертвы произвола, корысти и насилія. Довольно ли!»

М. Любарская-Письменная.
26-го декабря 1906 г.
СПб. ул. Гоголя, Грандъ-Отель.
Ознакомившись съ содержаніемъ книги, я чрезвычайно заинтересовалась личностью энергичной, смѣлой и талантливой русской женщины, которая во всеростъ вставала передо мной со страницъ написанныхъ страстно, горячо и любовно. Да, онъ напоены любовью къ памяти несчастнаго мужа и отца М. А. Письменной.

Но на ряду съ поразительными, чисто личными данными, которыми богато одарена эта женщина, меня поразило и слѣдующее дѣйствительно непонятное обстоятельство.

У женщины можетъ хватить смѣлости, энергій и горячности писать министрамъ и лицамъ повыше министровъ всѣ тѣ горькія по ея мнѣнію истины.

Но какимъ образомъ у этихъ министровъ, которыхъ она въ течение многихъ лѣтъ въ телеграммахъ и письмахъ, въ копьяхъ, рассылаемыхъ по всей Россіи въ сотняхъ экземпляровъ, именуетъ «ворами», «взяточниками» и «убійцами», хватить терпѣнія и выдержки сносить обиду!

Меня живо заинтересовала г-жа Письменная и я постѣдилъ ее.

Здѣсь я поразила еще больше. Оказывается, тѣ самые министры, которыхъ съ человѣческими документами въ рукахъ г-жа Письменная обвиняетъ въ различныхъ уголовныхъ и титу-

луешь «ворами» и иными неудобными эпитетами, эти самые министры не только не обижаются, но пишутъ ей письма, въ которыхъ деликатно, но туманно и запутанно объютуютъ себя въ ея глазахъ.

И переводятъ вину на своихъ товарищей.

Я видѣлъ такія собственноручныя письма, въ которыхъ прижатые къ стѣнѣ сановники лепетали языкомъ школьника, не знаящаго урока.

Да хотя бы взять вотъ эту самую книгу «Клевета». Я видѣлъ у Маріи Андреевны подлинныя благодарственныя письма за ея крики отъ такихъ высокопоставленныхъ лицъ, передъ которыми министры — мальчики.

А между тѣмъ въ этой книжкѣ напечатаны письма и телеграммы на имя графа С. Ю. Витте, М. И. Миклашевскому, С. С. Манухину, Н. В. Муравьеву, П. Х. Шванебаху, П. А. Столыпину и другимъ не менѣе высокопоставленнымъ лицамъ, гдѣ обвинения въ уголовныхъ преступленіяхъ нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ поставлены съ самой категоричною настойчивостью.

А между тѣмъ, книга не только не конфискована, а за нее даже свѣще благодарятъ.

Что же сей сонъ означаетъ.

А означать онъ вотъ что: Къ г-жѣ Письменной при жизни ея злополучнаго супруга всѣ и вся относилась съ какимъ-то слѣпымъ недовѣріемъ.

Не вѣрили въ непричастность ея мужа въ «преступномъ» кражѣ Харьковскаго и Екатеринбургскаго банка.

Не хотѣли видѣть, что поспенсомъ является самая мысль о намѣреніи уронить акціи банка со стороны именно г. Письменнаго, такъ какъ треть всѣхъ акцій Екатеринбургскаго банка принадлежала г-жѣ Письменной.

Не вѣрили въ то, что крахъ произошелъ не по винѣ Алчевскаго, а по винѣ... свѣще.

Не вѣрили ни одному слову, ни одному свидѣтелю, ни одному документу.

Не вѣрили даже «экстремскому» свидѣтельству, которое находило, что тюремное заключеніе для г. Письменнаго равносильно меланхолическому, но вѣрному убійству его.

Повѣрили только тогда, когда г. Письменній въ тюрьмѣ умеръ.

Смерти повѣрили и... черезъ 12 часовъ послѣ его смерти въ тюрьму пришло изъ Петербурга предписаніе освободить его...

И вотъ на поруки жены былъ сланъ трупъ мужа.

Это ли не трагично.

И не одно только это трагично въ дѣлѣ М. А. Любарской-Письменной.

Трагично и отношеніе къ ея дѣлу послѣ суда, послѣ смерти мужа.

Имѣнія ея перешли въ руки ликвидационной комиссій изъ черносотенныхъ ликвидаторовъ.

Тяжело письмами и телеграммами предупреждала Марія Андреевна высокопоставленности о томъ, что дѣло ликвидации въ нечистыхъ, черносотенныхъ рукахъ, что земля распродается ими по скажочно низкимъ цѣнамъ ихъ родственникамъ и свойственникамъ.

Высокопоставленности не вѣрили.

Всѣ не вѣрили, какъ въ болѣзнь мужа.

И повѣрили, кажется, повѣрили, только теперь, черезъ 12 часовъ послѣ смерти самыхъ цѣнныхъ имѣній, перешедшихъ въ руки родственниковъ ликвидаторовъ.

Теперь вотъ, кажется, повѣрили высокопоставленности, когда отъ пышныхъ миллионовъ остались гроши.

Все ликвидировано.

И теперь Марія Андреевна позволяють отводить душу, — безнаказанно изливаетъ на бумагѣ ея горе.

Такъ появилась эта книга «Клевета», книга великаго, но увя, безсильнаго гнѣва.

Но все же въ этомъ гнѣвѣ, въ этихъ документахъ, въ этомъ дѣлѣ, въ этомъ лично дѣлѣ такъ много ярко-общественнаго интереса, что я постараюсь въ слѣдующей статьѣ познакомить съ нимъ читателей.

Н. ШЕВУЕВЪ.

ВТОРАЯ АНКЕТА.

Сверхъ моего ожиданія вторая анкета, объявленная мною въ № 20, не вызвала такихъ горячихъ откликовъ, какъ первая.

А между тѣмъ я лично считаю ее чрезвычайно интересной и могущей дать нѣкоторыя важныя указанія.

Напоминаю вопросы, предложенные мною читателямъ.

1) Съ какихъ лѣтъ вы начали заниматься политикой?

2) При какихъ обстоятельствахъ въ васъ проснулся гражданство?

3) Какую роль играла въ дѣлѣ вашего политическаго воспитанія семья?

4) Какую школу.

Пока получено только одно любопытное письмо.

«Я гимназистъ 8-го класса одной изъ провинціальныхъ гимназій.

Политикой я началъ интересоваться еще въ раннемъ дѣтствѣ, читалъ выписываемыя отцомъ газеты «Свѣтъ», «Новое Время» и др. въ этомъ родѣ.

Самъ собою понятно, что я всецѣло усвоилъ «истинно русскій» духъ этихъ газетъ, такъ какъ не слышалъ другого слова и не привыкъ критически относиться къ прочитанному и услышанному. Встрѣчая на страницахъ поименованныхъ газетъ слова: социализмъ, социализмъ и т. д., я спрашивалъ ихъ объясненія у окружающихъ, главнымъ образомъ, у отца. Эти послѣдніе рисовали мнѣ въ черныхъ краскахъ освободительное движеніе и его дѣятелей.

Однако, эти объясненія не удовлетворили меня и я жадно искалъ всюду и всездѣ желательныхъ мнѣ свѣдѣній. Мое сердце какъ бы чувствовало ихъ несправедливость и односторонность. Такое исканіе истины продолжалось долго, до тѣхъ поръ, пока я не попалъ, (совершенно случайно, скажу кстати) въ одинъ изъ кружковъ, устраиваемыхъ мѣстной социалдемократическою группою учащихся.

Здѣсь мнѣ открылся широкій просторъ для дѣятельности, здѣсь я нашелъ отвѣтъ на мучившіе меня вопросы. Это было въ 1904 году, слѣдовательно до начала революціи. Начавшаяся ломка моихъ старшихъ «истинно русскихъ» взглядовъ была dokonана событіемъ 9-го января, когда я ясно увидѣлъ, что у народа одинъ другъ — онъ самъ, что улучшить свое положеніе онъ можетъ только суровой борьбой, рассчитывая въ ней только на самого себя, а верховная власть не придетъ къ нему на помощь.

Повторяю, событіе 9-го января окончательно разрушило во мнѣ все старое. Съ тѣхъ поръ я съ жаромъ принялся за чтеніе книгъ по политико-соціальнымъ вопросамъ и къ 17-ому октября я былъ уже вполне сознательнымъ сторонникомъ освободительнаго движенія.

ГИМНАЗИСТЪ.

Ни для кого не тайна, что наша средняя школа переполнена социалдемократами.

Для меня лично кажется страннымъ, какъ это могло случиться.

И какъ это случилось.

Вѣдь, казалось бы, молодежь съ ея вольнолюбивыми, молодыми, гордыми мечтами не должна тяготѣть къ материальному, сухому, человѣческому, слишкомъ къ человѣческому идеалу эскеловъ!

Молодость по натурѣ своей скорѣе эсь-эсна, а не эсдена.

А дѣйствительность говоритъ противное. Не дасть ли анкета отвѣтъ на этотъ вопросъ: почему наша средняя школа такъ эсдена?

О ТОЩИХ И ТУЧНЫХ.

Знаете ли вы страну, где есть печаль и воздыхания.

Любите ли вы страну, где жизнь безконечно тяжела, безотрадней, безпросветней.

Вспоминаете ли вы о нем, о слабом и сильном, богатом и бедном, в одно и то же время краб.

Я говорю о мужиком царствъ.

Томъ царствъ, въ которомъ сейчасъ диктуютъ свою конституцію самый абсолютный изъ всѣхъ монарховъ въ мирѣ.

Деспотъ Голодъ.

Это не конституція, а конституція.

(И на Турцію еще болѣе).

Онъ пишетъ свои основные законы копыто курынахъ избъ, кровью и потомъ...

Курною кровью и курнымъ потомъ.

У деспота Голода никогда, нѣтъ недостатка въ вѣрноподданныхъ.

Особенно много ихъ въ нынѣшнемъ году.

Они вѣрны Голоду до послѣдней капли крови.

До послѣдняго издыханія.

Живые скелеты, консьоцимъ языкомъ они лепечутъ:

— Я голоденъ, я голоденъ!

Они лепечутъ свои вѣрноподданическія чувства.

Вотъ ребенокъ, худой, почти прозрачный, теревитъ рученками пустые мѣшки материнской груди.

Нѣтъ ни молока, ни жизненной теплоты въ этихъ символахъ плодородія, любви и женственности.

И уста умирающей шепчутъ:

— Я голодна! Я голодна!

Они шепчутъ вѣрноподданическія чувства Царю Голоду.

Цѣлая семья, цѣлая деревня шепчутъ:

— Мы голодны, мы голодны!

Припадите ухомъ къ землѣ.

Она стонетъ:

— Я голодна...

У Голода есть своя бюрократія, своя звѣздная палата.

Его бюрократы—скупщики—кулаки.

Ихъ амбары ломятся отъ зеренъ, отъ муки.

Ихъ нестерпаемые сундуки полны золота.

И они, какъ кашеи, сидятъ надъ ними.

О, они служатъ Голоду.

А Лидваль!

О, этотъ великій провокаторъ, сколько вѣрноподданныхъ прибавилъ онъ оди. У деспота Голоду.

Несчастныхъ, тощихъ, умирающихъ вѣрноподданныхъ.

О Лидваль, о премьеръ-министръ Голода.

Это ему было поручено провести въ жизнь безконечно жестокою Конституцію.

И онъ провель ее.

И былъ plus royaliste que le roi même въ этомъ проведеніи.

И миръ ужаснулся, когда конституція была водворена.

И многие стали мечтать чѣмъ бы то ни было помочь тошему царствъ. Чѣмъ бы то ни было, но чѣмъ-нибудь.

Одни—желудями.

Другіе—кукурузой.

Третьи—среднимъ между горьковато вжущимъ железомъ и сладковато-мучнистой кукурузой—благотворительной музкой, пѣніемъ и чтеніемъ.

И вотъ на одномъ изъ благотворительныхъ концертовъ и разыгрался тотъ несносный инцидентъ, о которомъ я поведу рѣчь.

Въ числѣ прочихъ артистовъ и артистокъ, представившихъ любезно свои благотворительные желуди голодающимъ, была и нѣкая г-жа Т-ская.

На аннонсахъ о благотворительной кукурузѣ... pardon, о благотворительномъ вечерѣ ея фамилія была напечатана тощимъ шрифтомъ.

Не совсѣмъ тощимъ, но все же по мнѣнію Т-ской, не достаточно жирнымъ.

Издъ-за этого и возгорѣлся сыр боръ на подобіе Никитинскаго.

Г-жа Т-ская рѣшила, что ей нанесено публичное оскорбленіе.

Такое оскорбленіе, которое можетъ только публичнымъ, всепечатнымъ извиненіемъ.

Напрасно студенты, устроители вечера объясняли недоаумѣннею недосмотромъ метранпажа.

Напрасно доказывали, что перепечатать и переимѣнить на столбахъ всѣ афиши изъ-за одной не достаточно жирной строки они не имѣютъ права, т. к. деньги идутъ въ пользу голодныхъ, и каждая копейка на счету.

Напрасно они умоляли Т-скую не срывать концерта изъ-за грошевого самолюбья.

Напрасно приводили этические доводы, мѣшающія Т-ской по ихъ мнѣнію выступить въ газетахъ съ собственноручнымъ письмомъ.

Ничто не помогло.

Г-жа Т-ская взяла со студентовъ устроителей слово, что они въ газетахъ не печатаютъ свои извиненія.

Вотъ такимъ образомъ и появилось въ газетахъ чрезвычайно характерное для нашихъ чрепостствующихъ благотворителей письмо, въ которомъ устроители Г-скаго вечера утверждаютъ, что они «исчитая любезность всѣхъ артистовъ одинаково цѣнную, должны были бы печатать всѣ фамиліи одинаково жирнымъ шрифтомъ»...

Виновать во всемъ-де стрѣлочникъ, т. е. метранпажъ, или корректоръ, или наборщикъ.

Какая поразительная картина деморализаціи.

Съ одной стороны—небывалый Голодъ.

Источены цѣлая деревня, цѣлые уѣзды, цѣлая губернія.

Съ другой стороны—вахханалія благотворительной горячки.

И на почвѣ этой вахханаліи вырастаютъ жирная самолюбья.

Вырастаютъ и нѣжатся, и грѣются, и тѣшатся, и прохлаждаются...

Въ то время, когда тамъ, въ странѣ, идѣ же есть болѣзнь, печаль и воздыханіе, корчатся въ мукахъ голодной агоніи.

Н. ГЕОРПЕВИЧЪ.

О ЧАСТЯХЪ.

«Товарищъ» и «Терни Трудъ» (—есть такой органъ большевиковъ) спорятъ о политическихъ убѣжденияхъ полицейскихъ частей.

«Т. Т.» увѣряетъ, что самой кадетской частью была, есть и будетъ Литейная, а самыми демократическими—Нарвская и Рождественская.

«Т.» возражаетъ:

— И вовсе Литейная часть не кадетка.

Она октябристка. А рождественская и нарвская части не демократки, а черносотенки.

Рождественская—цитадель стародумцевъ.

Нарвская—цитадель Дубровина.

А кадетистѣе всего—Васильевская часть.

«Т. Т.», опираясь на цифру, доказываетъ, что черносотенной опасности нѣтъ.

«А Т.», что она велика и посему блокъ—оязанность лѣвыхъ партій.

Спорятъ, спорятъ. А время идетъ да идетъ.

Никто, какъ приставъ, не умѣетъ читать въ сердцахъ и никто не дастъ болѣе точной характеристики вѣрренной его попеченію части.

Въ участкѣ же можно и о блокѣ справиться.

Въ участкѣ все разберутъ.

— Ну, что же, вы послали Отту?

— Да, редакция сносилась съ Оттомъ, но гинекологическій институтъ почему-то до сихъ поръ еще не отвѣтилъ намъ.

— Какъ же мнѣ быть?

— Я сдѣлаю запросъ, почему мнѣ не отвѣтили.

На этотъ разъ было еще больше народа и еще болѣе недовольныхъ. Слышались даже роптанья:

— Ну, и контора!

— Вотъ такъ редакция!..

— До чего свобода печати дошла!

Я однако не особенно печалилась, потому что ничѣмъ, кромѣ 75 копеекъ, не рисковала. Но 11 февраля на всякій случай еще разъ пошла въ редакцію.

Хромой блондинъ встрѣтилъ меня какъ непріятеля. Но его отношенія ко мнѣ круто измѣнились, когда онъ узналъ, что у меня есть залогъ.

— Не желаете ли получить мѣсто кассирши въ редакцію.

— Смотря по тому—куда Къ вамъ?

— Мѣсто солидное, не къ намъ, а въ редакцію «Дѣлового Дня», Троицкая, 26...

Я очутилась въ этотъ же день въ редакціи «Дѣлового Дня». Встрѣтилъ меня самъ редакторъ. Узнавъ, что я залогомъ, очень обрадовался.

Сталъ просить тысячу рублей.

Я объяснила, что больше трехъ сотъ не могу.

Начали торговаться. Онъ все просилъ 500 рублей.

Наконецъ стоговались на 300рубляхъ.

О ДѢЛОВЫХЪ ПОСРЕДНИКАХЪ.

— Ужъ я не знаю, какъ вамъ и жаловаться... Сами вы журналистъ, редакторъ... А обидѣлъ меня тоже два журналиста... редакторы...

У говорившей дрожалъ голосъ. Видно было, что ей въ самомъ дѣлѣ неловко было нападать на представителей той самой корпораціи, къ которой и я имѣю честь принадлежать.

— Видите ли, я по профессіи фельдшерница-акушерка... Жила все въ провинціи... Накопила 300 рублей... Съ трудомъ, конечно, превеликимъ... Зовутъ меня Екатерина Николаевна Крутова... Ужъ вы простите...

— Пожалуйста, пожалуйста. Разъ вы потеряли отъ журналиста, долгъ каждого журналиста помочь вамъ.

— Вы знаете редакцію «Всероссійскій Посредникъ»?

— Нѣтъ. Я такой редакціи не знаю.

— Какъ же, какъ же. Есть такая. Екатеринбургскій, 4. А редакцію «Дѣловый День» знаете?

— Нѣтъ, и такой газеты не видѣлъ.

— Ну, если не знаете, такъ мнѣ легче... А то вѣдь можно о вашемъ хоршемъ знакомомъ дурно отзываться. Разъ-вѣ не всѣ редакторы между собой знакомы...

— Конечно, не всѣ. Ну, расскажем мнѣ послѣдовательно, въ чѣмъ дѣло.

— Видите ли, прѣхавъ въ Петербургъ, я начала искать занятій по своей специальности. Въ городѣ, какъ въ лѣсу. Чтобы ориентироваться, пошла въ редакцію «Всероссійскаго Посредника», публицикой которой въ газетахъ обращали на себя вниманіе. Пришла туда. Какой-то книжный складъ. Написано «редакция».

— Принялъ какой-то хромой господинъ, блондинъ. Взялъ 75 коп. за устную публикацію, т. е. за то, что я ему заявила. Онъ мнѣ сейчасъ же сказалъ, что дастъ мѣсто по моей специальности.

— Я снесу съ Оттомъ въ гинекологическомъ институтѣ и Оттъ дастъ объ васъ рекомендацію.

— Я изумилась.

— Какъ же профессоръ Оттъ можетъ меня рекомендовать, вовсе не зная меня.

Въ отвѣтъ хромой блондинъ пробормолъ что-то странное объ Оттѣ и ушелъ въ другую комнату. Я спросила въ редакціи:

— Когда же приходите за отвѣтомъ?

— За справками къ намъ не обращайтесь. Мы сами увѣдомляемъ нашихъ клиентовъ.

Въ это время было довольно много народа и у всѣхъ въ блондиномъ и другими его помощниками были какіе-то неприятные разговоры.

Я ушла домой. Но не выдержала и черезъ недѣлю явилась въ редакцію «Всероссійскаго Посредника».

— Ну что же, вы послали Отту?

— Да, редакция сносилась съ Оттомъ, но гинекологическій институтъ почему-то до сихъ поръ еще не отвѣтилъ намъ.

— Какъ же мнѣ быть?

— Я сдѣлаю запросъ, почему мнѣ не отвѣтили.

На этотъ разъ было еще больше народа и еще болѣе недовольныхъ. Слышались даже роптанья:

— Ну, и контора!

— Вотъ такъ редакция!..

— До чего свобода печати дошла!

Я однако не особенно печалилась, потому что ничѣмъ, кромѣ 75 копеекъ, не рисковала. Но 11 февраля на всякій случай еще разъ пошла въ редакцію.

Хромой блондинъ встрѣтилъ меня какъ непріятеля. Но его отношенія ко мнѣ круто измѣнились, когда онъ узналъ, что у меня есть залогъ.

— Не желаете ли получить мѣсто кассирши въ редакцію.

— Смотря по тому—куда Къ вамъ?

— Мѣсто солидное, не къ намъ, а въ редакцію «Дѣлового Дня», Троицкая, 26...

Я очутилась въ этотъ же день въ редакціи «Дѣлового Дня». Встрѣтилъ меня самъ редакторъ. Узнавъ, что я залогомъ, очень обрадовался.

Сталъ просить тысячу рублей.

Я объяснила, что больше трехъ сотъ не могу.

Начали торговаться. Онъ все просилъ 500 рублей.

Наконецъ стоговались на 300рубляхъ.

На слѣдующій день я принесла 200 руб. деньгами и сторублевою ренту. При этомъ я просила редактора А. Л. Когана не мѣнять ренты, такъ какъ она не моя и братъ просилъ вернуть именно ее.

А сама я общалась черезъ два-три дня замѣнить ренту сторублевою бумажкой.

Съ этого дня и начались мои ежедневныя митарства. Меня поразило, во первыхъ, что газеты «Дѣловый День» я не могла нигдѣ купить. Вотворыхъ, что въ редакціи нѣтъ рѣшительно никакихъ сотрудниковъ.

Въ третьихъ, что редакторъ меня самъ встрѣчаетъ и таинственно провозагаетъ въ свой убогой кабинетъ.

Въ четвертыхъ, на мои просьбы показатъ мнѣ контору или кассу, или дать занятія, онъ отвѣчаетъ двусмысленно, уклончиво. Назначаетъ для пріема дѣлъ точные часы:

— Смотрите: въ понедѣльникъ, ровно къ часу... ровно къ часу. Слышите ли? Смотрите, въ среду, въ четвергъ, ровно въ четыре.

Начала я не понимала, что значить эта многочисленная точность. Но скоро поняла...

Въ четвергъ мнѣ не только не давали моего прямого дѣла, но даже не показывали конторы.

Вмѣсто дѣла мнѣ Коганъ далъ переписать какіе-то адреса...

Когда я возвращала мою адреса, я увидѣла на столѣ у Когана массу такихъ же, какъ у меня, пачекъ, переписанныхъ другими женскими почерками...

Оказывается, кромѣ меня такимъ же дѣломъ занимается еще нѣсколько женщинъ. Но Коганъ устраиваетъ такъ, чтобы никто изъ нихъ не встрѣчался между собой.

Каждой онъ точно назначаетъ разное время. Именно боясь встрѣчь.

Очевидно и съ нихъ, какъ съ меня, взяты залог!

Когда я высказала Когану мои предположенія и потребовала обмѣнить мою ренту на 100 рублевою бумажку, редакторъ замаялся и сознался, что «Дѣловый День» давно уже не выходитъ (—вышло два номера всего), что рента уже обмѣнена имъ, что залогъ онъ вернуть не можетъ, что конторскихъ занятій у него нѣтъ...

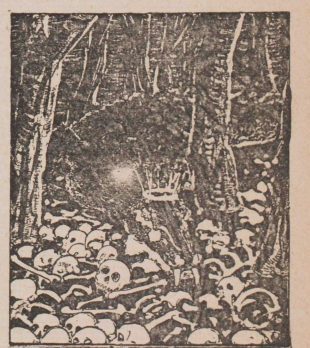
Словомъ, всѣ мои опасенія подтвердились... Четырехъ дамъ—моихъ товарищъ по несчастью, я уже видѣла...

Правда, Коганъ утѣшаетъ меня, что на дняхъ онъ будетъ издавать журналъ «Плагиатъ» и альбомъ «Чины двора и свиты» и тогда ему необходима будетъ кассирша... Но я что-то не вѣрю ни въ «Плагиатъ», ни въ «Чины»...

Простите, ради Бога, что я жалуюсь вамъ на членовъ вашей же корпораціи, но вы подумайте только, сколько зла принесутъ двѣ такихъ редакцій, какъ «Всероссійскій Плагиатъ... pardon... Посредникъ» или «Дѣловый Плагиатъ... pardon... Дѣловый День»...

Вы напрасно думаете, что это зло частное, личное. Нѣтъ, это зло общественное... Ваше дѣло не только прѣчь, но и предупредить зло, выросшее на почвѣ свободы печати...

— Ахъ, сударыня! При чемъ тутъ свобода печати! При чемъ журналисты! При чемъ редакторы! Развѣ могутъ обижаться журналисты, когда идетъ рѣчь о разбойникахъ пера.

НОВИНКИ РУССКИХ СИМФОНИЧЕСКИХ КОНЦЕРТОВ.

Русские симфонические концерты в нынешнем сезоне по установившемуся обычаю дали ряд новинок.

Цель этих концертов, основанных М. П. Бляевым, — ознакомить нашу публику с произведениями редко исполняемыми, а главным образом дать возможность молодым авторам, пишущим симфоническую музыку, исполнить свои произведения.

Всем известно, как трудно поставить большое произведение, написанное для оркестра, автору, не имющему крупного имени.

При ограниченном количестве наших симфонических собраний бывает довольно трудно распределить программу так, чтобы классики и выдающиеся современные композиторы были представлены полно, и вместе с тем молодые, а тем более начинающие композиторы, имели бы место в программе.

Вообще устройство концертов у нас слабо знакомит с нашими новыми авторами.

При этом играет большую роль их недоверие к каждой новой еще негранной вещи.

Дирекция имеет в виду, как отнесется публика, пресса к ней и всегда предпочитает поставить вещь тогда, когда она предварительно исполнялась где-нибудь.

Такие пробы обыкновенно бывают в течение летнего сезона в Павловск, Сестрорязк и т. п.

Ставя в программу новые вещи для нашей публики иностранных композиторов, дирекция уже знает о них по отзывам заграничной прессы, по рекомендациям приглашаемых оттуда дирижеров, по их распространенности.

Существенный пробль по отношению к нашим молодым авторам старается восполнить русские симфонические концерты, уделяя значительную часть программы произведениям, нигде не исполнявшимся.

По мысли основателя концертов Бляева существует жюри, рассматрива-

ющее предложенные симфонические произведения.

Много говорилось и писалось о несколько односторонней оценке произведений членами этого жюри, о том, что ставятся вещи одного лагеря, одного направления и т. д.

Мне думается, что конкурсное жюри добросовестно выполняет свою ответственную и не легкую работу, по возможности уделяя место каждому.

Конечно, общность вкусов таких выдающихся художников, как Римский-Корсаков, Глазунов, Лядов в общем дают направление и направление ярко выраженное...

Если таланты не стоят особняком, как Чайковский, а группируются в одну музыкальную школу, то вполне понятно, что главным цементом и является общность вкусов и убеждений. Это неминуюемо, и чем сильнее группа композиторов, тем рельефнее выступают и вкусы ее.

В этом отношении каждое жюри не только наших, но и заграничных концертов имеет свой отбнок, свою окраску.

Из новинок капитальным номером была грация 8-я симфония Глазунова, с превосходным Andante и поразительным развитием контрапунктического письма.

Другой большой вещью являлась 2 симфония Маллиевского.

Симфония носит название «Свободной», и заключая в себя бодрую, бойкую, живую по темам и ритмам музыку.

Влияние русской песни отразилось как на темах, так и на разработках. Чувствуется местами некоторая грубоватость народных тем. Лучшая часть — ф. алт.

В сравнении с 1-й симфонией этого же автора, имевшей больше европейский колорит, 2-я является контрастом к ней, напоминая реалистическую картину в духе художника Перова.

Затем шли красивые по музыке романсы Римского-Корсакова:

«Сон в летнюю ночь» и «Нимфа» с оркестровым сопровождением, слышимым очень прозрачно.

Легкий воздушный характер инструментовки дает возможность голосу развернуться со всеми деталями нюансировки. По музыке написаны оба тепло и искренне.

Сюита Арцыбушева звучит красиво, но не колоритна и мало оригинальна.

Это ряд переплывов, преимущественно Чайковского.

Разлитое по всей сюите благозвучие заставляет вспомнить принцип Мендельсоновского творчества. Настолько течет все ровно и гладко, что невольно хочется в наше время чего-нибудь более изысканного, диссонансирующего...

Оперное вступление к «Снужному богатырю» Кюи мало интересно и незначительно для талантливого автора «Анжелю» и «Ратклифа».

Оркестровые вариации М. Штейнберга, ученика Римского-Корсакова, дебютирующего в 1-й раз, обнаружили в авторе фантазию и большое умение пользоваться и владеть техникой сочинения.

Общанная сюита Лядова «Из Метерлинка», о которой так много говорили, к сожалению, осталась еще не оконченной. Часть других новинок не могла пойти, так как программа 1-го концерта по случаю смерти Стасова была составлена исключительно из произведений, ему посвященных.

В. СЕНИЛОВ.

СЕРЕНАДА И. КРЫЖАНОВСКОГО.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ.

ПЕРЕПИСКА М. А. ЛЮБАРСКОЙ-ПИСЬМЕННОЙ СЪ ГРАФОМЪ С. Ю. ВИТТЕ.

Копія.

На имя председателя Совѣта Министровъ С. Ю. Витте.

21-го Января 1906 года, г. Харьковъ, Каспарская, 33.

Милостивый Государь,

Графъ Сергій Юльевич!

«Блаженъ человекъ, который нискалъ мудрость, и человекъ, который приобрѣлъ разумъ. Долгоденствие — въ правой рукѣ его, а въ лѣвой — богатство и слава; пути его — пути пріятные и всѣ стези его — мирныя...» такъ говорилъ еще въ древности царь Соломонъ.

И въ то время, когда еще Россія, очарованная мирнымъ договоромъ, заключеннымъ вами въ Портсмутѣ, любовно протгивала вамъ руки, открывая свои объята, рвалась впередъ — навстрѣчу къ вамъ, въря въ то, что именно вы, Графъ, призваны «путями мирными и пріятными...» уврачевать ея зяющую рану, исцѣлитель ее отъ внутреннего, смертельного недуга... Еще въ то время, когда вся страна повторяла: «Я върила, что ты вернешься триумфаторомъ, съ пальмовой вѣтвью въ рукахъ! Я ждала тебя, о мой желанный! Я тосковала о тебѣ!» — я знала уже, что вы лицемерите, что предадите и царя, и родину, и подъ вывѣской вашей политической, либеральной программы являетесь покорнымъ слугою умирающаго чудовища, называемаго абсолютизмомъ.

Позвольте мнѣ рассказать вамъ, почему я это знала.

18-го Октября 1905 года, то есть то время, когда телеграфъ уже оповѣстилъ,

что вы назначаетесь «премьеромъ», у меня собралось нѣсколько человекъ. Мнѣнія присутствовавшихъ рѣзко раздѣлялись: одни, къ числу которыхъ присоединился мой голосъ, утверждали, что вы честно выполните государственную задачу возложенную на васъ Высочайшею волею, и что добившись всего, о чемъ смѣете только мечтать человекъ, вышедшій изъ ничтожества, неизвестности, вы непременно захотите увѣнчать себя лаврами безсмертія... То, что говорили о васъ другіе, къ несчастью, осуществилось въ дѣйствительности...

Я тутъ же составила пріветственную телеграмму, отправленную вамъ въ присутствіи собравшихся у меня лицъ и заявляла, что завтра же безошибочно разрѣшу возникшій споръ о васъ, такъ какъ смѣлшенно включила в свою телеграмму раскрытій 18-го февраля, осуществленію котораго вы противодѣствовали всеми силами и средствами.

Объяснивъ присутствующимъ вашъ преступный образъ дѣйствій въ бытность вашу Председателемъ Комитета Министровъ, всю двойственность вашей политики, по свѣдѣніямъ, имѣвшимся «изъ первоисточника», то есть отъ лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ этихъ же засѣданіяхъ и совѣщаніяхъ, я сказала: «если завтра получу отъ графа Витте отвѣтъ на мою телеграмму, то могу поздравить себя и Россію съ «русскимъ» Бисмаркомъ. ежели не получу, то это означаетъ; что Витте вновь проданъ нашимъ палачамъ и казнокрадамъ...»

ПЛОСКОСТЬ.

Въ «Комедии Любви» Ибсена Мейерхольдъ измѣнилъ своей идеѣ плоскости въ декорации.

Декорации перспективны и сцена, какъ сцена, — достаточно глубока для того, чтобы артисты могли ходить и играть, а не располагаться по экранообразной стѣнѣ декорации подобно припослужнымъ фигурамъ го—и ба—рельефовъ этрусскихъ вазъ.

Послѣ «Вѣчной сказки» и «Сестры Беатрисы» появилось въ театральной средѣ новое амплуа—го—актеръ и ба—актеръ, т. е. актеры на го и ба рельефныхъ роли.

Жалкій видъ представляли изъ себя эти припослужные и припослужные Мейерхольдомъ артисты и артистки.

Какъ мухи, которыхъ придавила, но не раздавила захлопнувшая книга.

Съ какой вивисекцией можно сравнить опытъ, который продѣлалъ надъ живыми, быть можетъ, талантливыми людьми не-вѣжественный фанатикъ режиссеръ!

Всѣ таланты должны быть въ одной плоскости.

И они были въ одной плоскости. И декорации, и актеры. И вдругъ вотъ вчера режиссеръ-паша разрѣшилъ актерамъ двигаться не въ одной плоскости и декорации сдѣлалъ не въ одной плоскости...

И что же... Случилась полнѣйшая неожиданность: актеры такъ привыкли къ плоскости, что играли какъ сапожники и изо всей пѣсы сдѣлали сплошную плоскость.

Сама по себѣ «Комедия Любви» — клѣксъ, нечаянно упавшій съ пера гениальнаго писателя на бумагу.

Для клѣкса это талантливо. Для комедии — плоско.

Нѣтъ никакого углубленія въ существо поднятаго вопроса:

— Что есть любовь!

Этотъ вопросъ авторъ «разрѣшаетъ» резонерски-буржуазно и неплѣсо.

Ставить этой пѣсы не совѣтую ни одному театру, — она не можетъ имѣть успѣха, ибо архаична.

А въ особенности ставить при декорацияхъ въ совомскомъ късѣ.

Сомовскій садъ, разведенный г. Денисовымъ, самъ по себѣ очень милъ и интересенъ, но не вяжется съ духомъ, стилемъ, эпохой пѣсы.

Изъ исполнителей была безусловно хороша г-жа Корчагина.

Условно хороши г. Бравичъ.

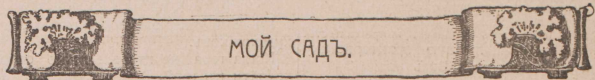
Безусловно нехороши — г. Бецкій и Лебединскій.

Условно нехороша — г-жа Комиссаржевская.

Было стыдно, скучно, мучительно сидѣть въ театрѣ и думать:

— Балаганчикъ въ тысячу разъ интереснѣе!

Н. ШЕБУЕВЪ.

Такъ называется книга сонетовъ и разсказовъ г-жи Л. Вилькиной (Минской), присланная для отзыва.

Предисловіе написано В. В. Розановымъ:

«Буду браниться, ибо не хочу хвалить», — восклицаетъ онъ.

И, какъ и слѣдовало ожидать, хвалить:

«...написательница этихъ сонетовъ есть несносное капризное существо, не знающее силу, подъ которымъ смирился міръ: господина закона и обычая. Вы получаете, что она не чешетъ по утрамъ голову, не снимаетъ на ночь башмаковъ? Нѣтъ, что ей угодно, она дѣлаетъ все, и снимаетъ башмаки на ночь не «по обычаю», а потому, что иначе ей было бы жарко. Поэтому на сегодня-завтра вы можете увидѣть женщину, идущую въ юльские дни босою по петербургскимъ тротуарамъ. Увѣренъ, если она не сдѣлала этого до сихъ поръ, то только по неизобрѣтательности. Она больше задумывается, чѣмъ подумываетъ, и предпочитаетъ больше грезить, чѣмъ видѣть».

Въ этомъ вычурномъ, изысканномъ манерномъ предисловіи В. В. Розановъ сказалъ большую неправду.

Г-жа Вилькина какъ разъ наоборотъ больше надумываетъ, чѣмъ задумываетъ.

Надуманность — главный порокъ ея изысканныхъ по формѣ, а порой и по содержанию сонетовъ.

Судите сами. Вотъ лучше, на мой взглядъ, сонеты поэтессы:

Не выйдетъ тотъ, кто разъ попалъ въ мой садъ.

Межъ гротовъ, спящихъ водъ, аллеи, бесѣдокъ—

Вездѣ цвѣты, но аромать ихъ вѣдокъ, И неспокоенъ сонъ цвѣтущихъ грядъ. Подобной страстной мысли—садъ глубока. Среди прогалинь блещутъ клумбы лилий: А тамъ, гдѣ вѣтви солнце заслонили, Болотныхъ розъ сълетается вѣнокъ. Изъ города ведетъ въ мой темный садъ Воздушный мостъ, надъ пропастью висящій: На днѣ ея бѣжитъ потокъ шумящій. Чернѣютъ камни, какъ чудовищъ рядъ. Невѣренъ путь ко мнѣ въ мой садъ маяющій, Но отъ меня дороги нѣтъ назадъ.

Противорѣчье.

Я небомъ рождена на свѣтъ вакханкой, Эдѣсъ стала блѣдною вѣрною рабой. Была бъ я людемъ счастьеемъ и судьбой— И тѣсною дорожить должна земляной. Вослѣдъ за мной—подобной куртизанкой— Народъ бы шелъ, приковавъ красотой, Гордился бъ храмъ моею наготой.— И вотъ средь васъ блуждаю чужестранкой. Къ необычному привыкли всѣ, Я-жъ и обычное считаю чудомъ. Я—цвѣтъ, заглохшій въ житной полосѣ, Я—свѣтъ въ пѣтну, томящуюсь подъ спудомъ. Я—мѣръ, въ которомъ солнце не зажглося. Я—то, что быть должно и не сбылось.

Цифра 2.

Средъ чиселъ всѣхъ милѣй мнѣ цифра—два. Го лебедь блѣлая средъ темныхъ знаковъ На длинномъ тѣлѣ сфинкса голова! Земля и небо—оба естества— Въ ней слиты тайной всѣхъ лучей. Она—обѣтованье вѣчныхъ браковъ, мравковъ. И тамъ, гдѣ дышетъ жизнь, она жива. Въ ней таинство зачатія и порока, Въ ней отдалъ отъ слагаго добра. Въ ней вѣра и сомнѣнія игра, Въ ней пестрый шумъ и разноцвѣтность рока. Она—достойный образъ божества, Явчская лебедь—цифра два.

Ей.

Тяжелый запахъ розъ въ моей темницѣ. Темница—комната. Придешь ли? Жду. Все алъ здѣсь, какъ въ пламенномъ аду. Она лежу въ прозрачной всланищѣ. Какъ подобаетъ скванной парижѣ. (А грѣхъ—предать въ жизненномъ саду)— Я тѣломъ лишь къ ногамъ твоимъ паду. Моя душа въ божественной десницѣ. Вотъ ты вошла, и шеи и груди Коснулася молча тонкими руками.

Отвѣта на мою телеграмму я отвѣтъ не получила, но тѣмъ не менѣе все надѣялась, что въ подѣ влияніемъ грозныхъ событий—опоминется, одумается—а потому въ письмѣ моемъ отъ 28-го Ноября истекшаго года, указывая вамъ на то, что Совѣтъ Министровъ, во главѣ котораго стоите вы, функциями, возложенными на него Высочайшимъ Указомъ 19-го октября, невольно воскрешаетъ въ памяти нашей Кабинетъ Министровъ времени Анны Іоанновны и барона Бирона, я молила васъ не усугублять народныхъ страданій, если дѣйствительно хотите ввести свободный режимъ, просила васъ не толкать народъ на поголовное возстаніе и честно ликвидировать старые счета.

Надѣялась, что наступитъ просвѣтлѣніе и тогда, когда предусмотрительно устранивъ отъ участія въ государственномъ строительствѣ лучшія силы страны —общественныхъ и городскихъ дѣятелей и окруживъ себя шайкой лицъ, среди которыхъ находится П. Н. Дурново, человекъ съ неизгладимою печатью моральнаго, общественного и служебнаго отверженія, вы призвали пушки, физическое насиліе на борьбу съ безплотными духами—освобожденными идеями, которыми въ Россіи проникнуты, пропитаны рѣшительно всѣ, у которыхъ только не перестало биться въ груди честное сердце и душа еще не поросла шерстью...

Гнусное, преступное донъ-кихотство!—донъ-кихотство, разумѣется, по послѣдствіямъ, ибо, какъ говоритъ старый криминалистъ Бернеръ: «въ новыхъ революціяхъ люди являются лишь орудіями, лишь носителями освободительныхъ идей. А идеямъ нельзя отрубить голову».

Все еще надѣялась я на благоприятный поворотъ въ вашей политикѣ, когда купно съ бандами «перносотенцевъ», организованными вашимъ же правительствомъ, въ стали называть «исконными завѣтами русской жизни»—силу и приказаніе съ одной стороны, а терпѣніе и рабское повиновеніе—съ другой... и это послѣ обнародованія манифеста 17-го октября!

Вы, конечно, учили исторію, а потому обязаны знать, что «исконные завѣты русской жизни» основаны на началахъ народнаго самоуправленія и всевластія. Новгородское же Вѣче, какъ всѣмъ извѣстно, являло собою образецъ демократической республики чистѣйшей воды.

Но вы лично пошли дальше другихъ!— Вы осмѣлились заявить, что «Государь, подписавшій манифестъ 17-го октября, остается царемъ съ неограниченною властью», то есть другими словами, удостоились передъ всѣмъ міромъ, что подписъ нашего Монарха, въ глазахъ вашихъ, «значитъ менѣе, чѣмъ подписъ послѣдняго изъ подданныхъ царя», что даетъ право каждому спросить васъ, какъ это уже сдѣлалъ г. Меньшиковъ: «если въ дѣйствительности царское имя ничего не обезпечиваетъ, то зачѣмъ это имя ставить тогда на документахъ?»

Это ли еще не анархизмъ самый безграничный?—принесшій уже самые ужасные, разрушительные плоды.

Не удовольствовавшись тѣмъ, что благодаря дальнѣйшему насильственному поддержанію «исконныхъ завѣтовъ русской жизни», измышленныхъ порочными служителями деспотизма и тираніи, рѣзо противорѣчащихъ «истиннымъ началамъ Россійской Государственности»: бесполезно и безславно погубили сотни тысячъ дорогихъ человѣческихъ жизней на поляхъ Манчжуріи, у береговъ Тихаго Океана;

что благодаря «этимъ завѣтамъ» гибнутъ наши родовыя имѣнія и имущества, нажитыя трудомъ и сбереженіемъ цѣлыхъ поколѣній, а не взяточничествомъ и казнокрадствомъ, какъ тѣ миллионы, которые переведены въ заграничные банки высшими представителями командующихъ классовъ;

что благодаря «тѣмъ-же завѣтамъ», пусты наши школы и университеты, а переполнены всѣ тюрьмы людьми, которыхъ вамъ, конечно, не купитъ;

что благодаря все «этимъ завѣтамъ» Россія обливается кровью невинныхъ жертвъ деспотизма и сама близка къ финансовому банкротству... въ еще подготавливаете къ всѣмъ такое положеніе,

когда уже никакія полицейскія мѣры или военныя охраны не въ состояніи будутъ предотвратить поголовное возстаніе, когда чувство мести, злобы противъ васъ—изверговъ, убійцъ!—обратитъ всю Россію въ сплошную арену партизанской войны.

Волна народнаго мятежа никогда не разбирала праватаго отъ виноватаго: она все смететъ, все уничтожитъ со своего пути и нѣтъ уже средствъ приостановить ея теченія, когда хлынетъ она, выйдя изъ береговъ своихъ при первыхъ теплыхъ лучахъ весенняго солнца...

Я изумляюсь одному, какъ въ до сихъ поръ еще не захлебнулись въ томъ необъятномъ морѣ челоѣческой крови и слезъ, пролитой вами же за время вашего трехмѣсячнаго царствования?—Какъ не будитъ васъ по ночамъ ваша же совесть, отъ которой вы ждете какой-то награды для себя?—

Но, не считаясь даже съ такой непростительной аксіомой: «что въ исторіи народы всегда наступаютъ такой періодъ, когда неминуемо, роковымъ образомъ, они призываются логикой фактовъ къ новой жизни и правительства волей-неволей должны отступать отъ консерватизма. Если же правители не подстерели, такъ сказать, благоприятнаго момента для реформъ и нововведеній, а вынуждены были дать ихъ несвоевременно, пропустивъ время, то тогда различные элементы легко приходятъ въ броженіе...» Вы умыленно отсрачиваете созывъ Государственной Думы, когда только скорѣйшій созывъ ея и могъ еще парализировать успѣхъ безпокойныхъ и крайнихъ элементовъ...

Для осуществленія же своей «либеральной» программы, вы не только обратились къ испытаннымъ слугамъ осужденнаго всѣми и Высочайше отмѣннаго полицейско-приказнаго строя, но въ цѣляхъ успокоенія и умиротворенія нечастной, истерзанной уже вами страны, вы выдвинули отбросы изъ той же бюрократической клоаки, подогрѣвая усердіе не по разуму и энергію въ тѣхъ, для которыхъ и безъ того власть и сила дороже «закона», ассигнованіемъ новыхъ 24 миллионъ рублей изъ пу-

стой, разграбленной государственной казны... отдавъ изъ нихъ 5 миллионъ рублей въ безконтрольное распоряженіе, на «секретные» расходы нѣжному другу и наперстнику своему—Министру Внутреннихъ Дѣлъ, П. Н. Дурново!

Я очень сомнѣваюсь, чтобы для васъ составляло тайну прошлое челоѣка, которому безконтрольно вручили въ внутреннее управленіе Россіи?—Чтобы вы не знали той знаменательной, исторической надписи, сдѣланной еще Императоромъ Александромъ III-мъ: «никогда и нигда не принимать этого негодяя на службу...» которой, несомнѣнно, навсегда заклеилъ Петръ Николаевичъ Дурново, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ каждаго порядочнаго челоѣка, уважающаго себя.

Затѣмъ, вы заботливо выискали на мѣсто убранныя С. С. Манухина г. Акимова: «неизвѣстную ничтожность», по свидѣтельству лицъ, знающихъ новаго Министра Юстиціи и создавъ, такимъ образомъ, изъ него «извѣстную теперь ничтожность», приобрили, какъ и слѣдовало ожидать, послушное орудіе въ рукахъ своихъ...

Линишь самолично Государя Императора права помилованія—перерогативъ, неотъемлемо присвоенныхъ Верховной власти не только всѣхъ конституционныхъ Монарховъ, но и президентовъ республикъ, «въ цѣляхъ поддержанія авторитета и незыблемости судебныхъ рѣшеній», г. Акимовъ циркулярнымъ предисловіемъ прокурорамъ и предсѣтелямъ судебныхъ палатъ: «проникнуться видами правительства», превратить нашъ высшій судебный органъ—въ судъ, только «слѣпо выполняющій велѣнія свыше», то есть въ судъ—«лакействующій» передъ административной властью...

Наступили памятные всѣмъ, страшные декабрьскіе дни!—Вооруженное возстаніе въ Москвѣ и другихъ городахъ Россіи, исключительно вызванное мѣрпріятіями самого правительства, дало, наконецъ, возможность тому же правительству примѣнить въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ «обузданіе строптивыхъ» по рецентамъ злодѣевъ, въ родѣ Аракчеева, графа Муравьева, В. К. Плеве... но и тѣ были честные васы!—они, по крайней

Сестра моя, возлюбленная жди...
Мы падаем под жгучими волнами...
Друг друга любим или славим страсть,
Отрадно нам под знойным выхрем пасть.
Мне кажется, лучшую характеристику
дала себѣ сама г-жа Вилькина:
Я мѣрь, въ которомъ солнце не зажгло
Не зажгло солнце.
И трепетанія его лучей не ищите въ
граняхъ этихъ красивыхъ, но холодныхъ,
надуманныхъ сонетовъ.

Н. ШЕБУЕВЪ.

ЭСКИЗЪ

Легкое, бѣлое платье
Складками внизъ ниспадаетъ,
Стройно и нѣжно въ объятѣ
Тѣло твое заключаетъ.

Въ мягкія, бѣлыя ткани
Кутая формы стыдливо,
Вся ты—какъ въ свѣтломъ туманѣ,
Нѣжно-чиста и красива.

Каждый твой шагъ провожаетъ
Шорохъ, волнующій сладко,
Тонкая ножка мелькаетъ
Въ туалѣ, подъ легкой складкой.

Въ трепетѣ груди безарчной
Нѣжное слышится пѣнье,
Въ вѣяніи ткани прозрачной—
Теплой весны дуновение.

Въ запахѣ тѣла и пудры—
Грезы плывутъ отъ страсти,
На головѣ свѣтлокудрой
Солнце сияетъ отъ счастья...

Жизни томиящая радость
И красоты обаянье—
Боль, и безумье, и сладость
Вѣчной любви и желанья!

ВЛ. ЛЕНСКИ.

НОВОСТИ! НОВОСТИ!

Вы слышали, конечно, о новой затѣѣ художниковъ.

Когда гора не идетъ, нужно самому подойти къ горѣ.

И вотъ они подошли.

Гора—это публика.

Она не идетъ къ нимъ на выставки. А если приходится, то только къ то-го, чтобы погорнать и покусчать.

И вотъ они, повторяю, подошли. Они пошли на встрѣчу публикѣ, раскрывъ широко свои объятія, — два раза въ недѣлю они раскрываютъ передъ публикой свои мастерскія.

И за плату въ 10 рублей съ персоны вы получите возможность лицезрѣть творенія г. Самокиши въ нѣхъ въ мастерской,—въ моментъ зачатія.

Если вы семейный, вы можете за 25 руб. явиться въ гости къ г. Самокишамъ со всею семьею, съ женой, съ тещей, съ Вовочкой и даже съ Чемберлешкой.

Вы можете передъ воль ертомъ объясняться въ любви вашей тещѣ.

Или въ уголъ за монбертомъ поставить Вовочку, предварительно выдравъ ему уши за то, что онъ сѣлъ на самокишеву палитру.

Вы можете убѣдиться, что краски, употребляемыя господами Самокишами, настоящія, не поддѣльныя, и что отъ Вовочкиныхъ броекъ они безъ скинцара не отстанутъ.

Вы можете убѣдиться, что господа Самокиши дѣйствительно сами изготовляютъ всѣ тѣ «исходія», которыя появляются за ихъ подписомъ.

Что легенда о существованіи у нихъ особой машинки для шинкованія картинъ, только легенда.

Вы увидите, что напрасно Липгардта укоряютъ въ томъ, что онъ пишетъ наизусть, не съ натуры.

Вы увидите, что онъ пишетъ именно съ натуры.

Но натурой для него служатъ крышечки отъ бонбоньерокъ.

Вы удивитесь, какая богатая коллекція бонбоньерочекъ собрана у Вельца.

Вовочка непременно упадетъ въ обморокъ, увидавъ натурщикъ г. Обера.

Чемберлешка не утерпитъ, чтобы не обнюхать каждую ножку стула Каразинской мастерской.

Ахъ, сколько Чемберлешекъ попозирило въ свое время у этихъ ножекъ!

Теща удивится при видѣ головокъ Маковского.

А Гюнсбургъ непременно заставитъ вѣшего Вовочку попозиривать, ковыряя въ носу, или въ ногѣ.

Вообще слияніе публики съ художниками будетъ такое, что дальше идти некуда.

Приимать будетъ самъ художникъ, его супруга и дѣтки самокишата.

— Вотъ это папа писай!..

Милый ребенокъ!

Ну, какъ не поцѣловать его и не купить картиночку!

Тѣмъ болѣе, что здѣсь съ глазу на глазъ г-дамъ Самокишамъ не резонъ дождаться.

Можно за четверть цѣны купить совсѣмъ малодержанную вещь.

И при томъ на выставкѣ публика имѣетъ обихованіе ворчать.

А здѣсь въ гостяхъ у художниковъ это неудобно.

Правда, это «гости» плотные, но 10 рублей съ персоны это почти par amour!

Я не знаю: 10 рублей vin compris, или за 10 рублей художникъ обязанъ только занимать гостей разговоромъ sec, или demise!

И вообще я не знаю, каковы обязанности художника по отношенію къ посѣтителю.

Обязанъ ли онъ за 10 рублей показывать только то, что гости застали en fragrant delit.

Или все то, что онъ написалъ до настоящаго момента.

Обязанъ ли онъ показывать только одні картины, или вообще всю свою утварь.

Всѣмъ своей скарбѣ.

— А вотъ у меня еще такая штука есть!..

Я не знаю, въ какой формѣ долженъ посѣтитель обрѣщаться къ художнику:

— Вы имѣете что-нибудь предьявить! Вообще прекрасную комбинацію придумали господа Самокиши.

Это оживитъ коммерцію.

Ахъ, зачѣмъ я не художникъ.

Впрочемъ, отчего бы и писателямъ не раскрыть своихъ мастерскихъ.

Пустъ за 10 рублей съ персоны посѣтителю ходить и убѣждаться, что И. Н. Потапенко собственноручно, а не собственноручно, какъ увѣряютъ пасквилянты, пишетъ свои романы.

Пустъ почтеннѣйшая публика убѣдится, что В. В. Розановъ ежедневно собственноручно заправляетъ лампадочку.

Что В. П. Буренинъ ежедневно принимаетъ дантиста, но послѣдній ничего не можетъ поддѣлать съ его зубами,

Зубы перестаютъ быть острыми, едва ихъ коснется золотая пломба.

Пустъ почтеннѣйшая публика убѣдится, что Вячеславъ Ивановъ оргастиссимусъ оргасторумъ ходить въ обыкновенномъ пиджакѣ, а не въ тогѣ.

Что онъ пьетъ изъ обыкновеннаго стакана, а не изъ «кубка нижней Афродиты».

Вы подумайте на эту тему, господа литераторы.

Публика падка до новинокъ.

А это новость, новость! — послѣдняя новость.

Н. ГЕОРГЕВИЧЪ

мѣрь, откровенно исповѣдывали принципы тираніи и не стѣснялись красной рубашкой палача.

Все это пережила я и вынесла терпѣливо, продолжая изрѣдка писать галлѣ и подтверждая каждое мое слово фактами, взятыми прямо изъ жизни, я умоляла васъ, графъ, пощадить Россію, отказаться отъ безумной политики, которая доведетъ уже страну до анархіи, до экономическаго банкротства и неизбежно доведетъ и до государственнаго банкротства.

Вы же тѣмъ временемъ все изыскивали ресурсы для пополненія, путемъ новыхъ внѣшнихъ займовъ, слабой наличности нашего Государственнаго Казначейства, слагали гонцовъ въ Парижъ, въ Берлинъ, готовы были распродать Россію иностранцамъ по клочкамъ, «съ публичнаго торга», лишь бы сохранить силу и власть за старымъ режимомъ, вмѣсто того, чтобы прекратить анархію, которая воцарилась изъ-за борьбы вашей съ освободительнымъ движениемъ— въ жизни страны, во всемъ народномъ хозяйствѣ, потрясеніями и сверху и снизу...

Какъ можете вы жить съ такимъ страшнымъ бременемъ на вашей совѣсти?

Также тщетно старались объяснить вамъ «свѣдущіе люди», что аграрная реформа должна поставить своею задачею не только исправленіе недочетовъ 1861 года—возвращеніемъ крестьянамъ отрѣзанныхъ земель, предоставленіемъ имъ выгоновъ, уничтоженіемъ чернозольщины, — но выдвинуть на первый планъ вопросы о переселеніи и о расселеніи, но вы подняли всю деревню, возмутьивъ и вооруживъ ее правительственнымъ разъясненіемъ Высочайшаго Указа 3-го Ноября 1905 года, на основаніи какового, какъ я уже писала вамъ, частновладельческая земля являлась какъ бы единственнымъ ресурсомъ къ удовлетворенію насущной, неотложной потребности русскаго крестьянства въ землѣ. И дымящаяся по всей Россіи пепелища «дворянскихъ гнѣздъ» краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о плодотворномъ воздѣйствіи этого правительственнаго разъ-

ясненія на умы нашей невѣжественной, голодной народной массы... въ которой подорвано и послѣднее понятіе объ уваженіи къ чужой собственности.

Но вы продолжали по прежнему равнодушно взирать на страшныя конвульсіи, потрясающія огромное тѣло Россіи и грсающія государству въ близкомъ будущемъ новыми, неисправимыми бѣдствіями...

Да, трудно представить себѣ болѣе абсурдные ponsensы, какъ въ обществѣ представляють изъ себя правительственныя разъясненія, проекты о союзахъ, собраніяхъ, законъ о печати, изготовленные въ послѣднее время въ вашемъ либеральномъ и «дѣловомъ» Совѣтѣ Министровъ.

Не даромъ газета «Новая Жизнь» въ передовикѣ, помѣщенной въ № 17, писала: «А вы, г. Витте и Копп, не дремите!—Скорѣе издавайте указы, циркуляры, распоряженія объ арестахъ!»—Сочиняйте Манифесты!—Можетъ быть, еще одинъ отрядъ перекинется въ ваши ряды...» и вы успѣли убѣдить не только всю Россію, но и Европу, что добиться проведения свѣтлыхъ началъ, свободъ, еще съ 17-го октября истекшаго года дарованныхъ народу нашимъ добрымъ, гуманнмъ Государемъ, можно только схвативши васъ за горло или приложивши дуло револьвера къ самому лбу. Вѣдь не даетъ же вамъ Франція денегъ до созыва Государственной Думы?

Я забыла одно. Правда, въ самомъ началѣ вашего царствованія вы признали почему-то нужнымъ обратиться съ призывомъ къ чувству патриотизма представителей земствъ и городовъ...

Не стану, конечно, приводить бесѣды вашихъ съ тѣми немногими довѣрчивыми людьми, которые повѣрили въ искренность этого призыва, ибо всѣ эти бесѣды уже оглашены нашей печатью, а спросу васъ только: не съ большимъ ли основаніемъ имѣетъ право страна звать теперь къ патриотизму правительства, требуя, чтобы вами, наконецъ, честно выполнялось то, что обещано ей Манифестомъ 17-го октября?

Я понимаю, что поповши незначительно, какъ бы по волшебству, въ Зимній дворецъ, у васъ могла легко закружиться

голова и вы въ самомъ дѣлѣ вообразили себя вторымъ Людовикомъ XIV, который утверждалъ: «L'Empire—c'est moi!»

Но благодарзумно ли вамъ преслѣдовать одно лишь стремленіе: раздѣлить Россію на три участка—«въ одномъ пустыня, въ другомъ — кладбище, въ третьемъ—тюрьма...» (Слова профессора Кузьмана).

Неужели вы думаете, что новые 24 миллиона рублей, ассигнованные вами на содержаніе полиціи «всякаго рода и вида оружія», могутъ въ дѣйствительности гарантировать вашу личную безопасность противъ такой силы, какъ ненависть, месть и презрѣніе цѣлой страны, которая творитъ теперь только одну молитву:

«Сжался надъ Россіей—Ты, Который сильнѣе жизни и смерти!»

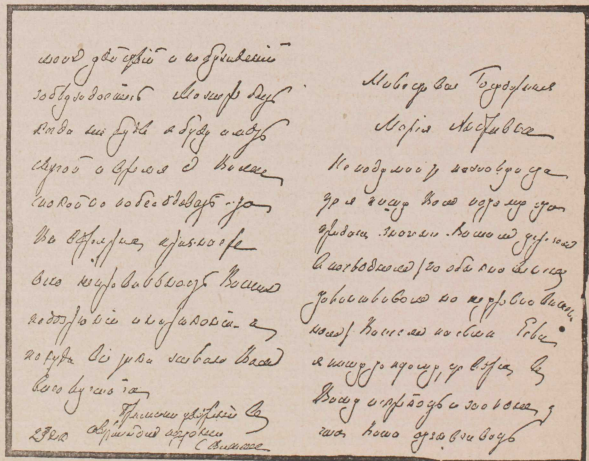
«Сжался надъ многострадальной, долготерпимой, отверженной страной—Ты, Который сильнѣе тоски и страданій!»

«Избавь, о Боже, Россію отъ лютыхъ тирановъ, изверговъ, злодѣевъ!»

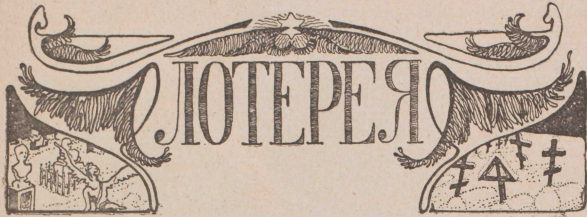
Очевидно, что вамъ чуждо и пониманіе психологии человѣческой души, иначе не были бы вы такъ спокойны, самоувѣренны, опираясь только на силу штыковъ, нагаекъ, пулеметовъ...

Вѣдь имѣла же я терпѣніе, присутствія при страшнѣй, кровавой народной драмѣ, три мѣсяца писать вамъ, все чего-то ожидала, на что-то надѣясь еще... не отвѣчая на всѣ настоятельныя запросы, постоянно получаемые мною изъ за границы: «que signifie donc enfin la conduite du comte de Witte?—son inaction coupable?»

А вотъ третьяго дня я получила копію съ письма нашего известнаго писателя Вл. Короле ко къ «г. статскому совѣтнику Филонову», надъ которымъ уже совершился судъ «праведный» и не только не могу больше терпѣть и молчать, но если бы для меня человѣческая

Вертись, колесо лотереи!
 Взявайтесь, трехцветные флаги!
 Сюда, богачи и бѣдняги,—
 Мундиры, отрепя, ливреи,
 Салоны, поповскія рясы,
 Корсажи, рабочіе рубахи,—
 Сюда, игроки—лоботрясы!
 Сюда, дармоѣды-монахи!
 Эй, кофточки, чуйки и фраки,
 Младенцы, живые скелеты,—
 Всѣмъ мѣсто найдется безъ дра-
 ки!
 Берите, берите билеты!
 Не бойтесь, пустыхъ тамъ не
 будетъ,
 Не бойтесь, а рано иль поздно
 Здѣсь выигрышъ каждый добу-
 детъ:
 Поставлено дѣло серьезно.
 И публику первого ряда,
 И заднихъ рядовъ галлерей
 Васъ всѣхъ ожидаетъ награда...
 Вертись, колесо лотереи!
 Потише, mesdames!.. Понемногу!
 Потише... Нельзя же всѣмъ сра-
 зу!..

Ну, вотъ... Отдавили мнѣ ногу!..
 Задѣли зонтомъ мнѣ по глазу!..
 Всѣмъ хватить. Смотрите, рядами
 Трофеи стоятъ безъ числа тамъ...
 И выборъ признаете сами
 Вы очень и очень богатыми.
 Изъ золота есть бездлушки:
 Смотрите, какіе артикли!
 Вотъ въ цѣну подобной игрушки
 Я думаю, вы уже вынкили.
 А дальше, на солнцѣ сверкая,
 Изъ бронзы какая работа!
 А тамъ вонъ вещичка какая:
 Чугунъ и на немъ позолота!..
 Вотъ мраморъ!.. Гранитныя глыбы!..
 А дальше—издѣлья изъ дуба!..
 Неужто они похвалы бы
 Сорвать не смогли: вѣдь не гру-
 бы,

А главное полны идеи:
 Имъ форма креста придается...
 Вертись колесо лотереи,
 Которая жизнью зовется!
 Н. ШЕУБЕВЪ.

жизнь не составляла въ дѣйствительности «святыни», если бы могла я только забыть, хотя бы на мигъ, что не смѣю отыгнать у человѣка того, чего не въ силахъ моихъ вернуть — жизни, то кланюсь вамъ, вы бы пали отъ руки моей..

Да, убить васъ я не могу, не смѣю. Но я ставлю вамъ теперь ультиматумъ, я даю вамъ двѣ недѣли срока, въ течение которыхъ вы должны или оставить постъ «премьера», или же въ корнѣ изменить вашу гнусную политику, направленную къ гибели государства и къ ниспроверженію нынѣ царствующей Династии; въ противномъ же случаѣ, какъ настоящее мое письмо, такъ и копія съ моей телеграммы отъ 18-го октября 1905 года появятся въ иностранныхъ газетахъ.

Вы слишкомъ умны и дальновидны, чтобы не понять того, что оглашения этихъ двухъ документовъ, подписанныхъ моимъ именемъ, совершенно достаточно, чтобы приводить васъ передъ всѣмъ міромъ—къ позорному столбу.
 Марія Любарская-Письменная.

Его Сіятельству
 Графу С. Ю. ВИТТЕ.
 Предсѣдателю Совѣта Министровъ.

Копія телеграммы, отправленной 18-го октяб-
 ря 1905 года, изъ города Харькова.
 Предсѣдателю Совѣта Министровъ
 Графу Сергѣю Юльевичу ВИТТЕ.
 С.-Петербургъ.

Примите, Графъ, мои самая искренняя и сердечная поздравления и благопожелания по случаю назначения васъ—главою, руководителемъ высшихъ правительственныхъ органовъ.

Оснѣвивъ себя крестнымъ знаменемъ, съ непоколебимомъ вѣрою въ Святыи Промыслъ Божій, избравшии васъ въ годину неслыханныхъ бѣдствій, всеобщаго народнаго востанія—идите смѣло, безъ колебаний на великій, отечественный подвигъ, на который призываетъ васъ, съ твердымъ упованіемъ въ ваши силы, таланты и благодатство—вся благочыслящая Русь.

Избавьте родину отъ смуты, братоубийственной войны. Спасите Россію отъ разгрома и полного распада. Время

не терпѣть—пожаръ кругомъ. Поспѣшите немедленно осуществить честной программы вашей—дарованіемъ населенію гражданской свободы, законности, правопорядка—вернуть правительству довѣріе страны, иначе быть бѣдѣ—кровавому перевороту.

Народное терпѣніе въ концѣ истощено продажными холопами, вырвавшими изъ рукъ измученнаго, опозореннаго или народа—въ цѣляхъ наживы, вселостію вашего—права и волюности, милостиво уже дарованная ему Царемъ Раскриптомъ 18-го февраля.

Будьте же спасителемъ Россіи—дорогой нашей отчизны, и Богъ благословитъ и сохранитъ васъ, а исторія прославитъ и обезсмертитъ васъ — какъ патриота, какъ великаго государственнаго дѣятеля.

Марія Любарская-Письменная.
 Копія «сообщить всѣмъ адресъ»: Василію Дмитріевичу Бѣлову, 4, ул. Гоголя.
 Каспарская, 33.

Милостивая Государыня!
 Марія Андреевна

Не подумайте, пожалуйста, что я пишу вамъ потому, что придаю значеніе вашимъ угрозамъ въ послѣднемъ (по общеконвенно талантливомъ, но не уравновѣшенномъ) вашемъ письмѣ.

Если пишу, то потому, что вѣрою въ вашу искренность, что знаю, что ваша отзывчивость къ событіямъ, при вашей неуравновѣшенности и запальчивости, рисуетъ въ вашемъ воображеніи картину, совершенно несоотвѣтствующую дѣйствительности.

Если бы люди имѣли даръ входить, хотя бы на мгновение, въ чужую душу—то вы очень пожалѣли бы о томъ, что такъ жестоко въ отношеніи моихъ дѣйствій и побужденій заблуждаетесь.

Можетъ быть, когда нибудь я буду имѣть случай и время съ вами спокойно побесѣдовать, то вы, вѣроятно, признаете всю несправедливость вашихъ подозрѣній и нареканій, а покада все таки желаю вамъ всего лучшаго.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи

С. ВИТТЕ.
 Получено 28 января 1906 года.
 Марія Любарская Письменная.

АНКЕТА.

III
 «Пока солнышко взойдетъ,
 роса глаза выѣстъ».
 (Пословица).
 «In cogitare sano—mens sana».

Изъ круга моихъ знакомыхъ я бы хотѣлъ указать на четверыхъ, живущихъ при совершенно одинаковыхъ социально-экономическихъ условіяхъ и, прибавлю, —скверныхъ условіяхъ. Жизнь ихъ складывалась такъ, что они легко могли бы стать и развращенными, и развратниками. А между тѣмъ, на ихъ совѣсти не лежитъ ни одно пятно, которое бы имъ напоминало, что они входили въ атмосферу разврата, а также никого не вводили въ развратъ. Мало того, они не только словомъ, но и дѣломъ останавливали многихъ молодыхъ людей отъ того перваго толчка, о которомъ говорить г. Максъ Та. И они весьма успѣшно шли въ этомъ отношеніи. И тѣмъ, что эти четверо останавливали многихъ, они не только никому не ставили какія либо рамки, но, наоборотъ, они тѣмъ больше заставляли интересоваться окружающей жизнью.

И эти молодые люди, остановленные отъ перваго толчка, въ свою очередь полюбили трудъ, поняли всю неприглядность жизни, сознаютъ, что нынѣшнія поколѣнія людей созданы не для своей узкой счастливой жизни, а для истинной счастливой жизни отдаленныхъ поколѣній, они сознаютъ, что они должны быть только кирпичами для крѣпкаго фундамента, на которомъ будетъ воздвигнуто прекрасное зданіе—новый социальный строй,—и они уже счастливы этимъ сознаніемъ.—Попробуйте теперь отнять у этихъ молодыхъ людей ихъ сознание, дайте имъ самую жизнь благополучія,—и они будутъ считать себя самыми несчастными въ мірѣ. Тѣ четверо, которымъ приходилось и приходится часто не «жить», а «пробиваться», —вовсе не какіе-нибудь люди не отъ міра сего. Одинъ изъ нихъ женатъ, такъ называемымъ, законнымъ бракомъ; другой упорно доказываетъ, что и его бракъ съ его любимой женой законенъ, т. е. женился безъ всякаго нупутствія церкви; третій имѣетъ невѣсту и относится совершенно индифферентно къ тому, узнаютъ ли о его бракѣ за нѣсколько дней раньше или на нѣсколько дней позже фактическаго брака; четвертый любилъ когда-то одну дѣвушку, но та его не желала.

Съ тѣхъ поръ, онъ не встрѣчалъ другой. Живетъ совершенно нормально, хорошо изучил «половой вопросъ», сознаетъ, что ни одна частица тѣла въ человѣкѣ не должна пропасть даромъ и должна исполнять свое назначеніе, но во всякомъ случаѣ не за счетъ себѣ подобнаго, если ни онъ къ нимъ, ни «онѣ» къ нему не питаютъ влеченія; кромѣ того онъ хорошо знаетъ, съ какими опасностями для собственнаго здоровья и жизни сопряжено нынѣ это удовлетвореніе естественной потребности, почему и предпочитаетъ имѣть небольшой сравнительно ущербъ себѣ отъ полнѣшаго воздержанія до женитбы.

На всѣ виды разврата, какъ обоюднаго, такъ и въ одиночку смотримъ съ отвращеніемъ, почему нельзя его упрекнуть въ чемъ бы то ни было... У кого изъ читателей не найдется хотя бы одинъ изъ вышеописанныхъ четырехъ, сѣющихъ разумное, доброе?

И вотъ мечтается: «если бы всѣ мужчины вдругъ стали такими благоразумными, какъ тѣ четверо?» И персекутивы, одна заманчивыи другой, рисуются въ воображеніи. А потомъ пороходитъ изъ міра несуществующихъ, но возможныхъ иллюзий, въ нашъ страшный міръ дѣйствительности... И ужасается... Сознанія своей силы, сознательности и воли недостаетъ у многихъ, многихъ, чтобы жить такъ, какъ тѣ четверо. Неужель дѣйствительно необходимо окунуться въ развратъ, чтобы забыться отъ жизни, подобно тому, какъ нашъ темный крестьянинъ и рабочій заливаютъ свое горе водкой.

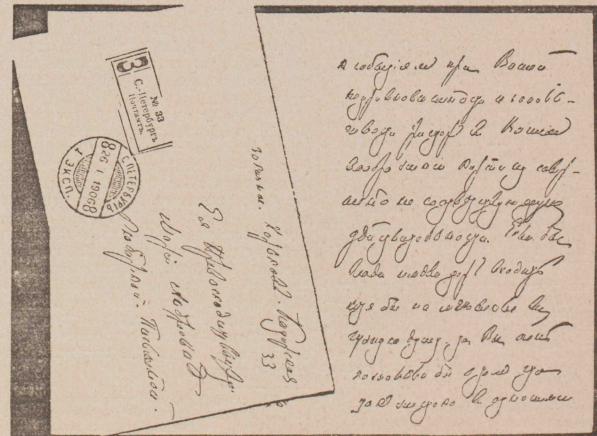
И нужно замѣтить, что изъ мужчинъ больше всего платятся за развратъ именно представители буржуазнаго класса, вслѣдствіе своего богатства. А хотѣтъ ли они такъ просто лишиться этого богатства..

Еще раньше, чѣмъ возникъ разговоръ на страницахъ «Газа. Шеб.» о возможности возникновенія «союза борьбы съ безразличностью», женщина-врачъ въ № 11 той-же газеты предупреждала, что никакіе союзы не помогутъ. Она ссылается на западъ, гдѣ также появлялись анкеты, лиги, союзы, но ни къ чему не привели.

Ту-же самую мысль выражаетъ мнѣ одинъ корреспондентъ изъ Берлина. Кромѣ того, онъ меня предостерегаетъ, что подобныя «союзы борьбы съ безраз.» въ Германіи не только не помогли дѣлу, но даже поддерживаютъ своимъ существованіемъ мракъ, невѣжество и служатъ оплатомъ реакціи, т. е. какъ-разъ обратнo противоположное тому, что я ожидаю отъ союза (см. мое третье письмо въ № 17 «Газа. Шеб.»). И я удивляюсь, что ни одинъ изъ аппонентовъ не выразилъ такое опасеніе, какъ мой корреспондентъ изъ Берлина. А между тѣмъ это весьма важный вопросъ, на которое слѣдовало бы остановиться. Я лично не смотрю на этотъ вопросъ такъ мрачно, ни какъ женщина-врачъ, ни какъ мой корреспондентъ изъ Берлина.

Дѣйствительно, за мое пятнадцатилѣтнее пребываніе въ западной Европѣ, а главнымъ образомъ въ Германіи, я успѣлъ ко многому приглядѣться и нѣсколько познаться въ сг народомъ. Я не могу согласиться съ женщ.-вр. и г. Л., что ихъ опасенія, постольку, поскольку они ссылаются на опытъ запада, до нѣкоторой степени справедливы. Но я все таки, знакомясь съ зап. Евр., пришелъ къ тому заключенію, что многое, что у насъ могло бы процвѣтать и развиваться, въ Германіи, если бы и привилось, представляло бы нѣчто отрицательное.)* Русская пословица: «что русскому здорово, то нѣмцу смерть»—сплошь и рядомъ совершенно справедлива.

Я именно укажу на различныя союзы. Въ Германіи, а также и другихъ государствъ эти «союзы» дѣйствительно

поддерживают правую правительственную партию, рвётся из них принадлежать к центру, что ни меня ни многих других не утешает.

Теперь обратите внимание на Россию: то-же самое мы видим здесь?—Далеко нѣтъ. За свою рѣзкую оппозиционность «союз писателей» был совершенно закрыт; Императорское Сельско-Хозяйственное Общество было за ту-же оппозиционность лишено своего титула «Императорское», и многие, многие еще различные союзы, общества, комитеты и т. д. подвергались тѣм или иным репрессиям со стороны бюрократии.

Такъ, что предполагать, что «связь борьбы съ безнр.» может обратиться воплотить реакцией было бы большой ошибкой. Конечно, если «союз» начнет съ «Не развратничайте, братья, обо женка наказать, а паче всего слушайте!»... и т. д.), то, конечно, лучше подождать... Я еще хочу указать на студенчество. Въ то время какъ въ зап. Европѣ оно почти поголовно является дѣйствительно оплотомъ невѣжества, безнравственности и реакції, у насъ, какъ известно, оно сыграло и играетъ еще въ политическомъ движеніи одну изъ главныхъ ролей. У насъ студентъ—бѣлоподпоясанный истуканъ—черносотенникъ явление исключительное, на западѣ—правило.

Нѣтъ, смотрите на будущей «союз» такъ мрачно, ссылаясь на опытъ зап. Европы, было бы по меньшей мѣрѣ ошибочно. Наоборотъ, я увѣренъ, что если за его возникновение примутся рѣшительные и самоотверженные люди, то онъ непремѣнно привлечетъ и породитъ новыхъ оппозиционеровъ.

Всюду, читаете-ли вы книжки и журналы по половому вопросу, говорите-ли вы на ту тему въ обществѣ, — каждый говоритъ, что нужна борьба, каждый понимаетъ, что неспроста быть только зрителемъ совершающихся на глазахъ ужасовъ въ связи съ половымъ вопросомъ, что нельзя только констатировать фактъ или подводить итоги. А во сколько-нибудь письмахъ анкеты вы читаете крики: «помогите! Спасите, если не насъ, то нашихъ братьевъ!».

Читатель, надѣюсь, уже видѣлъ изъ всего моего письма, насколько я увѣренъ въ необходимости борьбы съ безнравственностью уже теперь. И такого убѣждения придерживаются весьма многие.

Если же необходима борьба, то нужна и извѣстная организация для нея, такъ какъ только общими усилиями, а не разрозненными можно добиться крупныхъ успѣховъ. Какъ же такая организация назовется, — «союзъ», «общество» или «лига» это все равно *).

Многіе, согласные съ женщиной-врачѣмъ (№ 11 «Г. Ш.»), говорятъ, возвращаясь опять мнѣ, что въ томъ то борьба и состоитъ, чтобы бороться за новый социальный строй, а остальное все—паллятивъ.

Но позвольте, мнѣ хорошо извѣстно, что громадная доля даже изъ поборниковъ социального строя вовсе не такого мнѣнія. Только нѣкоторые такъ говорятъ и пишутъ, остальные же говорятъ, что борьба съ самой безнравственностью должна быть уже теперь поднята; многие же, даже вѣрящие въ осуществление измѣненія социального строя, не ждутъ въ этомъ отношеніи никакой перемены. Находясь даже такіе пессимисты, которые отъ перемены нашего строя ждутъ еще худшаго. Даже изъ читателей «Г. Ш.» нашлись такіе. Вотъ что писалъ г. С. В.:

«Какими же переворотами, политическими или социальными можно вытравить порокъ изъ душъ людей? Въ Парижѣ, мнѣ рассказывали, есть рестораны, гдѣ прислуга—только женщины *).

Когда у насъ будетъ республика, вѣроятно устроимъ то же...» И нельзя отказать въ нѣкоторой справедливости словъ г-на С. В. Дѣло въ томъ, что

Таковы также и у насъ различные филантропическіе кружки и «общества трезвости», которая хотѣтъ подѣйствовать на свою паству кланьями, присягами и именомъ «дуспаствительными», а не просвѣдательными лекціями и книжками.

Повторяю, что въ этомъ письмѣ я пока не вхожу въ разборъ параграфовъ устава.

Между прочимъ, это фактъ. Въ Бельгій есть также много ресторановъ, гдѣ прислуга подаетъ вамъ пиво и вино, одѣтая только въ легкую короткую юбочку. Ф. М.

различныя «свободы» употребляются во зло. Такъ и у насъ, что—то, а марьяжъ объявленія расцвѣли пышно на почвѣ подобной свободы печати...

Такъ что, должны ли мы ждать сперва перемены социального строя и тогда только начать бороться со зломъ полового вопроса, какъ видно изъ всего вышесказаннаго,—еще очень большой и спорный вопросъ.

Я боюсь, что пока наши потомки доживутъ до нашего новаго социального строя, то до тѣхъ поръ число нравственныхъ и физическихъ вырожденцевъ, вслѣдствіе все увеличивающагося разврата, будетъ такъ велико, что мыслящие еще и пользующіея всеми благами новаго міра, скажутъ: «Въ сущности не стоило нашимъ предкамъ такъ хлопотать изъ-за такого малаго количества людей, оставшихся здоровыми». И дѣйствительно число различнаго рода дегенератовъ все увеличивается и увеличивается. Представьте себѣ прекрасно оборудованную школу, въ которой все, отъ знанія до учителей и программы хорошо обдумано и устроено. Впустите теперь въ нее дѣтей—идиотовъ. Смогутъ ли эти идиоты использовать вполне такую образцовую школу?—Никогда.

Тогда самое можетъ случиться и съ новымъ социальнымъ строемъ. (Конечно это слишкомъ рѣзкій примѣръ).

Можетъ быть, дѣло еще не такъ страшно для будущаго социального строя, но во всякомъ случаѣ, думаю, для каждаго нынѣшняго поборника за новый социальный строй весьма важно, чтобы на сторонѣ его было какъ можно больше здороваго духомъ и тѣломъ элемента. А количество «лѣвыхъ» можетъ увеличиваться только съ ростомъ количества здороваго и нормального полонія, что развратъ намъ не дастъ.

Да, еще весьма и весьма спорный это вопросъ, что должно быть раньше установлено: социальный ли строй или поднятіе нравственного уровня человѣчества, ибо столько же, сколько есть людей, коснующихся изъ-за нынѣшняго политико-социального строя, столько же, если еще не больше, есть поборниковъ именно этого политико-социального строя, вслѣдствіе своего низкаго нравственного уровня.

Не подлежатъ поэтому сомнѣнію, что нужно одновременно и бороться за новый социальный строй, и бороться за поднятіе нравственного уровня человѣчества.

Вспомните, что почти всѣ наши проповѣдники освободительнаго движенія, а также вожаки революціонной арміи, только потому могли стать таковыми, что, хотя и жили и живутъ при буржуазно-капиталистическомъ строѣ, но достигли своего совершенства, благодаря своей интеллектуальности, вліянію среды и благодаря своему высокому нравственному уровню. Столько же, сколько ошибочно было бы говорить, что сперва нужно поднять нравственный уровень человѣчества, а потомъ только приниматься за переустройство социального строя, столько же ошибочно говорить, что сперва необходимо измѣнить существующій буржуазно-капиталистическій строй, а потомъ приниматься за усовершенствованіе человѣка.

Борьба должна быть по всему фронту. Ясно одно: чѣмъ больше провѣтаетъ развратъ, тѣмъ больше онъ служитъ въ ущербъ освободительному движенію; и чѣмъ больше будетъ поднятъ нравственный уровень массы, тѣмъ больше шансовъ на достиженіе новаго социального строя.

А будемъ ли мы или не будемъ копипаться теперь въ вопросахъ и отискивать причину и слѣдствія* за полового вопроса,—это принесло бы намъ столько же пользы, сколько разрѣшеніе вопроса: что было раньше на свѣтѣ, курица или яйцо?

Я увѣжденъ, что намъ необходимо имѣть уже теперь организациі, которая задается бы цѣлью, какъ поднять нравственный уровень народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ противодѣйствовать прогрессивно увеличивающейся безнравственности.

Паллятивъ—понятіе растяжимое, особенно тогда, когда дѣло касается отдаленно-будущаго.

* Къ сожалѣнію, мнѣ приходится больше возвращаться къ толковому письму женщины-врача, чѣмъ «отчаянной» критикѣ моихъ оппонентовъ въ № 17.

Есть-ли это паллятивъ, что въ этомъ году все лѣвое крыло политическаго движенія рѣшило участвовать въ выборахъ въ гос. думу?—Нѣтъ, они хорошо сознаютъ, что нужно использовать и такую думу, какъ наша съ «разяснительными разъясненіями». Это только ступень.

Да и странно спорить: читать придуренныя газеты допустимо, требовать

КВАРТИРОЛОГИЯ.

Практическія и теоретическія указанія, какъ устроиться дешево, но мило.

Человѣческое, слыхомъ человѣческое...

Укладка иппохондрическая.

Итакъ, во время укладки берегитесь какъ огня сангвиника. Однако не спѣшите благодарить судьбу, если она посылаетъ вамъ въ помощники и меланхолика.

Я не говорю уже объ иппохондрикѣ. Про нихъ Крафтфтъ Эбингъ рассказываетъ ужасная вещи:

«Особенную разновидность меланхолии составляютъ тѣ случаи, въ которыхъ бредъ имѣетъ иппохондрической характеръ, напр. сильные чувствуютъ, что у нихъ всѣ отверстия тѣла заросли, кишки гниютъ, желудокъ провалился, они сдѣлались деревянными, стеклянными, превратились въ животное и проч. Больные слышатъ проклятія, стонъ дѣтей, браняніе цѣлей, вліяніе приговоренія къ казни, трупы своихъ родныхъ, ощущаютъ запахъ мертвечины, сѣры, ползанье змій по тѣлу»...

Самой собой разумѣется, что такой субъектъ будетъ скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ при укладкѣ.

Онъ войдетъ въ комнату и скажетъ: — Простите... Но здѣсь у васъ пахнетъ мертвечиной!.

Жена машинально взглянетъ на Вовочку.

Вовочка молчаливо, но энергично молотъ отрицательно головой.

Подъ благовиднымъ предлогомъ вы высылаете его въ дѣтскую.

Но постыдное удаленіе Вовочки не устраиваетъ иппохондрика.

— Простите... Но я отчетливо слышу все тотъ же трупный запахъ...

При словѣ «трупный» жена вздрагиваетъ. Она ужасно боится всѣхъ этихъ вещей.

А вы безъ всякаго благовиднаго предлога отплатите ногой на Чемберлешку.

— Пошла въ дѣтскую, противная собаченка...

Съ поджатымъ хвостомъ Чемберлешка спѣшитъ раздѣлить одиночество Вовочки.

Но иппохондрикъ не унимается.

— Господа, неужели вы ничего не замѣчаете. Больше топтать не на кого. Въ комнатѣ остались только вы, жена и иппохондрикъ.

У васъ въ головѣ начинается мелькать предательская мысль:

— Ужъ не наступилъ ли я на что нибудь...

Незамѣтно выходите вы изъ комнаты въ переднюю, рискуя скомпрометтировать себя въ глазахъ жены и иппохондрика, поднесите подошву штиблетъ чуть не къ самому носу, какъ это дѣлалъ въ диркѣ Чинизелли гуттаперчевый чловѣкъ въ сиреневомъ трико...

Вы слышите, что у васъ что-то треснуло, вѣроятно брюки по швамъ.

Вы браните, себя за то, что не приобрѣли привычки носить трико, браните себя, что не догадались во время надѣть другія брюки, которая шиты чуточку посвободнѣе...

Вы нохаете подошвы. Онѣ оказываются совершенно чистыми.

Но въ разодранныхъ по швамъ брюкахъ оставаться болѣе нельзя, вы спѣшите въ спальню, чтобы надѣть ваши старыя брюки...

Увы. Они уже уложены...

Изъ столовой раздается голосъ жены:

— Куда ты тамъ запропастился...

— Я долженъ переменить брюки,—

отъ правительства (значитъ, считаться съ нимъ!).—денги на высшія, среднія и низшія школы допустимо, желать имѣть новыя больницы—допустимо, а организация борьбы съ безнравственностью—недопустимо.

Нѣтъ, господа, если намъ нужны учрежденія, гдѣ лечатъ венерическія болѣзни, то учрежденія для предупрежденія этихъ болѣзней и подавно необходимы.

кричите вы въ отвѣтъ.—Куда ты уложила мои старыя брюки?.

И вдругъ въ спохватились: вѣдь вашему восклицанію могутъ прилечь весьма компрометирующія васъ мысли.

Вы вспоминаете, и красный, какъ пюнь, влетаете въ столовую.

Торопливымъ заплетаящимся языкомъ начинаете вы объяснять, что хотѣли поднять ногу вотъ такъ, а въ это время слышится «тррр»...

А иппохондрикъ все долбитъ, какъ дятло:

— Быть можетъ, это конечно субъективное ощущеніе... Но я вамъ клянусь, что пахнетъ трупомъ... Вотъ когда умерла мать мужа Анны Ивановны...

Жена нервно вздрагиваетъ.

И вы всѣ втроемъ, вмѣсто того, чтобы заниматься укладкой, начинаете самымъ усерднымъ образомъ нохать.

Въ концѣ концовъ, настроенію иппохондрикомъ женѣ тоже начинаетъ казаться, что пахнетъ трупомъ.

Дѣло кончается страшными разсказами и истерикой.

Вы хотите бѣжать за докторомъ, но вспоминаете, что у васъ брюки распозлился по швамъ...

Вдругъ раздается плачь Вовочки;

— Дядя... повѣсилась... въ переднѣй...

Вы бросаетесь въ переднюю...

А тамъ на вѣшалкѣ болтается трупъ иппохондрика...

У нихъ, у иппохондриковъ, этикія вещи дѣлаются очень просто.

.....

Меня лично, судьба хранила отъ иппохондриковъ.

Думаю, что и вамъ не придется имѣть дѣло съ иппохондрикомъ, поэтому перейду прямо къ меланхолику.

Представьте себѣ, что Гамлетъ, принцъ датскій, пришелъ вамъ помогать укладываться.

